

Тартуские тетради

Составитель Р. Г. Лейбов

О · Г · И
МОСКВА
2 0 0 5

ЛАРИСА ВОЛЬПЕРТ

План Пушкина «L'Homme du monde»
и роман Ж.-А. Ансело
«Светский человек»
(мотив «неверной жены»)

В мае 1826 г. французский поэт, драматург и романист Жак-Арсен-Франсуа-Поликарп Ансело (Jacques-Arsène-François-Policarpe Anselot, 1794–1854) в свите маршала Мармона, прибывшего на коронацию Николая I, посетил Петербург. Видимо, он не относился к наиболее важным участникам, поскольку при сообщении о данной царем свите Мармона аудиенции его имя не упоминалось (Северная пчела, № 56, 11 мая). Его имя впервые появляется в отделе «Смесь» «Северной пчелы», № 58 от 15 мая: «В здешнюю столицу прибыл один из отличнейших поэтов и литераторов Франции, г. Ансело (Anselot)». Рассказывалось о его занятиях («библиотекарь Его Величества Короля Французского»), о наградах («кавалер Почетного Легиона»), о том, что он «прославился трагедиями своими». «Все сии произведения, — утверждал автор «Смеси», — носящие на себе печать необыкновенного таланта, доставили автору благосклонность публики и уважение литераторов». В заметке указывалось, что Ансело «привез с собою рукописную комедию под заглавием “Инкуенито” (видимо, «Инкогнито». — Л. В.), которая была принята единогласным решением на первом французском театре в Петербурге. Почтенный автор отдал оную здешней французской придворной труппе, в знак своего уважения к российской столице. Комедия еще не была играна в Париже, и осталась в репертуаре до возвращения автора в Отечество». В «Смеси» № 60 «Северной пчелы» (от 20 мая) рассказывалось об обеде, данном «некоторыми здешними литераторами»; на нем присутствовало человек 30 литераторов и любителей словесности, русских и французов. Подчеркивалось, что первый тост был провозглашен за

государя, что «усердные восклицания непринужденного восторга последовали за сим гостом». К нему присоединялись тосты за здоровье императорской фамилии, за французскую и русскую словесность, причем французская словесность избражалась как старшая наставница русской. Завершалась заметка сообщением о том, что Ансело, «к удовольствию всех слушателей», прочел отрывки из своей новой комедии.

В 1826 г. Пушкин почти наверняка пристально следил за «Северной пчелой». Помимо прочего в ней не только публиковалась статья о «Евгении Онегине» (№ 132 от 4 ноября), рассказывалось о петербургском наводнении, о Коломне и о подготовке и проведении коронации (в Москве 22 августа), но и — что очень важно — печатались материалы следственной комиссии по делу декабристов. В особом «Прибавлении» к № 72 газеты Булгарина (от 1 июня 1826 г.) было опубликовано «Донесение следственной комиссии», очень подробное, в несколько раз превышающее объем «Северной пчелы», со списком лиц, привлеченных к делу. На сообщение об обедах, данных Булгариным в честь Ансело, Пушкин откликнулся в письме к П. А. Вяземскому 27 мая: «Читал я в газетах, что Lancelot в П<етер> Б<урге>, чорт ли в нем? Читал я также, что 30 словесников давали ему обед. Кто эти бессмертные? Считаю по пальцам не досчитаюсь. Когда приедешь в П<етер> Б<ург>, овладей этим Lancelot (которого я ни стишка не помню) и не пускай его по кабакам отечественной словесности. Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда...»¹

Возвратившись во Францию, Ансело издал книгу «Шесть месяцев в России. Письма, писанные г. Ансело г. Сэнтину в 1826 году, в эпоху коронации Его Императорского Величества»², вызвавшую большой интерес (она сразу же была переведена на многие европейские языки) и разнообразные отклики (например, статья Вяземского в «Московском телеграфе» в 11-м номере за 1827 г., брошюра Я. Н. Толстого, изданная в Париже в 1827 г., «Довольно ли шести месяцев, чтобы узнать государство? или Замечания на книгу г-на Ансело “Шесть месяцев в России”» и отклик Вяземского на брошюру в «Московском телеграфе» в № 14 за 1827 г.)³. Книга хранилась в библиотеке Пушкина, и он ее прочел хотя бы частично. При перечислении русских литераторов в ней упоминался и М. Pouchkine, jeune poète d'un grand talent («молодой поэт большого таланта»)». Намекая на ссыльное положение Пушкина, Ансело избегает всуе называть его имя из-за опасения

нанести поэту вред («Я тебе открою его имя, когда снова увидимся, так как здесь нельзя доверять бумаге, опасной свидетельнице в России»⁵). В книге приводится прозаический перевод «Кинжала» Пушкина без указания автора; пьеса рассматривается как образец умонастроения молодых дворян и свидетельство «республиканского фанатизма»⁶.

Книга Ансело и отклики на нее не прошли мимо внимания Пушкина. В альманахе Дельвига «Северные цветы на 1828 год» были помещены без подписи «Отрывки из писем, мысли и замечания», где Пушкин упоминает оценки, данные Ансело русской литературе, иронически намекая, что источником информации для француза был Булгарин: «Путешественник Ансело говорит о какой-то грамматике, утвердившей правила нашего языка и еще не изданной, о каком-то русском романе, прославившем автора и еще находящемся в рукописи, и о какой-то комедии, лучшей из всего русского театра и еще не игранный и не напечатанный. В сем последнем случае Ансело чуть ли не прав. Забавная словесность!» [XI: 54]. Примечательно, что иронически отнесясь к сведениям Ансело о Грече и Булгарине, Пушкин отделяет от них Грибоедова. Булгарин позже в хвалебном отзыве о «Северных цветах» (Северная пчела, 1828, № 1–5, «Рассмотрение русских альманахов на 1828 год»), цитируя «Отрывки из писем...», опускает пушкинские слова, отделяющие Грибоедова от себя самого и Греча, как бы желая спрятать себя и своего издателя за авторитет автора «Горя от ума».

Все эти события надолго запомнились Пушкину. По-видимому, он имел в виду именно посещение Ансело обедов Булгарина, когда в «Торжестве дружбы...» написал об А. А. Орлове: «Он не задавал обедов иностранным литераторам, не знающим русского языка, дабы за свою хлеб-соль получить местечко в их дорожных записках» [VII: 251].

Об эпизоде, связанном с приездом Ансело в Россию, в настоящей статье можно бы не упоминать, если бы в 1827 г. в Париже не вышла в свет книга Ансело «Светский человек» («L'Homme du monde»), а через год, в 1828-м, Пушкин не записал бы на клочке бумаги, восьмушке листа, с двух сторон, небрежным почерком, по-французски план какого-то будущего произведения, начинающегося теми же словами, что составили название романа Ансело «L'Homme du monde»⁷.

Мы не располагаем прямым свидетельством знакомства Пушкина с романом Ансело и можем рассматривать такое

предположение лишь как гипотезу. Однако прямая перекличка пушкинского плана с названием книги Ансело, наличие сюжетных и тематических перекличек (о них пойдет речь ниже), а также учет повышенного интереса Пушкина к французской словесности (вспомним, как гонялись в Петербурге за парижскими новинками) и персонально к Ансело (в известной степени — «знакомцу») дают основание полагать, что гипотеза имеет право на существование.

Приведем еще одно соображение в пользу гипотезы. В 1828 г. в Петербурге шла пьеса «L'Homme du monde», написанная Ансело в соавторстве с Сэнтином, которому были адресованы письма «Шести месяцев в России». И роман, и пьеса оказались в России довольно популярными. Спектакль был поставлен французской труппой на сцене Каменноостровского театра 31 июля 1828 г. (см. объявление «Северной пчелы», № 90). Отзыв на него напечатан в № 93 болгаринской газеты. Автор отмечает, что пьеса — «сокращение известного романа», но не оправдала ожиданий, так как Ансело в погоне за драматическими эффектами унизился до мелодрамы и тем самым «признался в слабости своего таланта». При этом рецензент замечает, что в отдельных сценах пьеса «совсем не плоха» и иногда «потрясает душу». Пушкин в это время жил в Петербурге, читал газеты и журналы, посещал театры. Можно предположить, что этот эпизод не прошел мимо его внимания и вызвал добавочный интерес к роману Ансело. Во всяком случае, удивление вызывает тот факт, что при значительном интересе ученых к плану Пушкина «L'Homme du monde» никто из исследователей не попытался его анализировать в связи с одноименным романом Ансело.

Типичный образец массовой литературы, роман Ансело, написанный в традиции светского нравоописательного романа (Кребийон-сын, Шодерло де Лакло и другие), представляет собой средний образчик этого жанра с некоторыми чертами эпигонства. Действие книги разворачивается в течение 6 месяцев, в пространстве «большого света» современного Парижа и его великосветских пригородов. Герой, 40-летний граф Сенанж, обворожительный злодей, награжденный автором доморощенным «демонизмом», приводит к гибели полюбивших его 19-летнюю мадам де Т.***, 16-летнюю Эмму и почти губит (ее спасает чудо) молодую супругу банкира Дебрэна. В отличие от своих блистательных литературных «собратьев» (Рене, Вальмона, Адольфа), Сенанж лишен интеллектуального обая-

ния, ему чужды рефлексия и самоанализ, его девиз: «Ни к кому не привязываться <...>, всех рассматривать как средство»⁸. В предисловии к роману Ансело пишет, что своей задачей считал создание типа «светского человека» (это словосочетание он всякий раз выделяет курсивом; по его мнению, такой человек — личность «самая распространенная и опасная» [I: 11]). Автор ставит себе в заслугу отказ от дидактической развязки, отвечающей канонам нравоописательного романа (вспомним: Ловелас и Вальмон погибают на дуэли от руки мстителя, Фоблас сходит с ума). У Ансело же книга заканчивается полным триумфом Сенанжа, он в апогее успеха, неожиданно для себя получает крупный дипломатический пост. Предупреждая упреки, Ансело пишет: «Меня обвинят в том, что я сделал порок торжествующим, <...> но я нарисовал то, что видел» [I: 14].

Хотя роману свойственны некоторая мелодраматичность, назидательность, сюжетные штампы (мотивы семейной тайны, «узнавания», соперничества отца и сына, сорванных свиданий, побегов, дуэлей), в нем есть и значительные достоинства, главное из которых, как нам представляется, — новаторский подход к трактовке мотива супружеской неверности. Светская женщина, «неверная жена», изображена в книге с глубоким сочувствием, как жертва абсурдных и лицемерных нравов. Именно трактовка мотива адюльтера выделяет роман из общего потока беллетристики. Известно, что массовая литература, несмотря на свойственные ей черты эпигонства, в историко-культурном процессе нередко оказывается экспериментальной базой завтрашнего дня искусства. Роман Ансело, отражающий намечающиеся тенденции, можно рассматривать как один из подобных примеров. Не раз высказывалось мнение, что создание Бальзаком «Физиологии брака» (Balzac «Physiologie du mariage», 1829) было исподволь подготовлено французской психологической литературой и общественным климатом Франции 1820-х гг. Многие выношенные им идеи носились в воздухе, надо было лишь суметь их уловить и облечь в адекватную форму. Не исключено, что среди многих других источников роман Ансело мог сыграть роль своеобразного катализатора. Как нам представляется, подобную роль «Светский человек» мог сыграть и в возникновении замысла Пушкина.

План Пушкина, условно называемый по начальным словам «L'Homme du monde»⁹, интересовал исследователей в двух

отношениях — как исток неоконченных прозаических набросков («Гости съезжались на дачу», «На углу маленькой площади») и в связи с проблемой жанра: это план романа (Е. Гладкова¹⁰, А. В. Чичерин¹¹) или светской повести (Л. С. Сидяков¹², Н. Н. Петрунина¹³). В настоящей статье рассматривается аспект, не привлекавший внимания исследователей: пушкинский план — первый подступ к разработке в русской светской прозе мотива супружеской неверности. Хотя план написан Пушкиным по-французски и по замыслу близок французской психологической традиции, он до сих пор не описывался в связи с литературой Франции.

В отличие от французской литературы, в которой мотив адюльтера разрабатывается уже в прозе классицизма (Мадлен де Лафайет) и в нравоописательном романе конца XVIII — начала XIX в. (Кребийон-сын, Луве де Кувре, Шодерло де Лакло, Констан, Ансело и другие), в русской светской прозе конца 1820-х — начала 1830-х гг. тема супружеской неверности остается как бы под запретом. Табуированность мотива адюльтера объясняется сложным комплексом причин (специфика национального самосознания, ригоризм нравственных норм, «неразрушенность» уклада). Даже Карамзин, которого, как известно, интересовали все психологические состояния, коснулся этой темы лишь один раз в экспериментальном драматическом отрывке «Софья». Здесь 26-летняя жена 60-летнего сельского дворянина признается мужу в измене и получает его согласие удалиться с любовником в деревню. Типичная для Карамзина дидактическая развязка в данном случае — не только обычный сентименталистский набор (горячка, сумасшествие, смерть), но и кровавый финал: обезумевшая героиня убивает охладевшего к ней любовника и погибает.

Примечательно, что даже во Франции, где в психологической прозе к концу 1820-х гг. мотив адюльтера был в достаточной степени разработан, попытка философски осмыслить нравственный уровень общества в связи с состоянием семьи воспринималась как подрыв устоев. В предисловии к «Физиологии брака», доказывающей, что в современном обществе адюльтер практически неизбежен, Бальзак писал: «...посметь открыто назвать глухую болезнь, подтачивающую общество» мог себе позволить «лишь король или по крайней мере первый консул» — поскольку полагалось «верить в святость брака как в бессмертие души»¹⁴. Институт брака, исследовавшийся в книге с разных сторон (этической, юридической, психологи-

ческой), рассматривался Бальзаком как проявление разложения уклада, своеобразная «купля-продажа». Эту мысль он вложил в уста героини «Тридцатилетней женщины», маркизы Жюли д'Эглемон: «...браки в наши дни узаконенная проституция <...>. Вы клеймите презрением тех несчастных женщин, которые продают себя за несколько экю первому встречному: голод и нужда оправдывает эти мимолетные связи. Общество же допускает и одобряет необдуманнейший, но более ужасный для невинной девушки союз с мужчиной, с которым она незнакома и трех месяцев и которому она продана на всю жизнь. Такова судьба наша; у нас два пути: один — проституция явная и позор, другой — тайная и горе»¹⁵. Одну из причин этой «болезни» общества, связанной с упадком семьи, герои Бальзака, как и многие феминистски настроенные люди эпохи, усматривали в «Гражданском кодексе» Наполеона, чья знаменитая 213-я статья гласила: «Le mari doit protection à sa femme. La femme obéissance à son mari» <«Муж обязан заботиться о жене, жена — повиноваться мужу» (перевод мой. — Л. В.)»¹⁶. За этой статьей следовали другие, в которых давался длинный перечень того, что жена не имела права совершать без разрешения мужа. В разделе «О разводе» определялись санкции за супружескую измену: жене — значительно более строгие, чем мужу (исправительные учреждения сроком до двух лет). Эти статьи кодекса, юридически приравнивая женщину к несовершеннолетним детям, фактически обрекали ее на домашнее рабство. Наполеон, разумеется, имел в виду укрепление семьи, но, как это не раз бывало в истории (например, «драконовские» семейные законы Октавиана Августа), «силовые приемы» подчас приводили к обратным результатам.

В России конца 1820-х гг. ситуация иная: уклад не разрушен, моральные устои не подорваны; этические нормы, определяющие поведение светской женщины, устанавливаются не юридическим кодексом, а ее внутренним «императивом» и негласными предписаниями света. Об этом красноречиво пишет М. С. Жукова в повести «Барон Рейхман»: «Конечно, в наши времена мужья не убивают за неверность жен, не заключают их в подземелье, не посылают в монастырь, ни даже в деревню, не прибегают к несколько жестоким средствам наших праотцов, но лучше ли <...> провести всю жизнь, обремененную презрением...?»¹⁷

В русской светской прозе допушкинского периода мотив супружеской неверности не затрагивается, но самого Пушкина

он начинает манить с конца 1820-х гг. Тема адюльтера возникает уже в первом прозаическом произведении Пушкина, незаконченном романе «Арап Петра Великого»¹⁸. Начало работы над первой «парижской» главой относится к концу июля 1827 г., ко времени, когда «Светский человек» Ансело уже вышел из печати. Однако, хотя мотив супружеской неверности трактуется обоими писателями в одном ключе, нет оснований усматривать следы прямого воздействия Ансело на Пушкина. Вряд ли роман так быстро мог оказаться в Михайловском.

Эпизод любви Ибрагима к графине Д. хотя и занимает всего несколько страниц, структурно значим. Он важен не только тонким психологическим рисунком, оттеняющим нравственный облик Ибрагима, но и авторской позицией, лишенной нравственного ригоризма. Хотя у Пушкина и у Ансело изображаются парижские нравы разных эпох, но подход у обоих современен и близок не только позиции просветительского «оправдания страстей», но и идеям Бальзака (заметим: за год до появления «Физиологии брака»). У обоих писателей поведение героини, «неверной жены», получает некоторое оправдание. Героиня Ансело в предсмертном письме к сыну пишет, что ее выдали замуж, не спросив ее согласия, за чужого человека, главным достоинством которого было богатство: «мой муж не обладал ничем, что могло бы способствовать зарождению в душе тех сладких иллюзий, которые так необходимы в юные годы <...> он не заботился о том, чтобы мне понравиться» [I: 90]. Почти в тех же выражениях пишет о графине Д. и Пушкин: «17 лет, при выходе ее из монастыря, выдали ее за человека, которого она не успела полюбить и который впоследствии никогда о том не заботился» [VIII: 4].

Для Пушкина-прозаика тема адюльтера оказывается конструктивной и важной, на этом мотиве оттачивается его мастерство психолога. Пять страниц истории любви Ибрагима к графине Д. — от момента возникновения страсти до рождения черного ребенка — блестящий образец новаторского психологизма. С редким лаконизмом отмечены здесь все этапы развития чувства Ибрагима, переходы, переломы, градация. Настороженное недоверие Ибрагима к любезности светских кокеток, благодарность графине за ее учтивую индифферентность, ощущение «раскованности» благодаря появившемуся доверию, стремление Ибрагима ее видеть, бескорыстие неосознанного чувства, перелом, вызванный замечанием постороннего, нарастание страсти в связи с надеждой, упоение полной

близостью, страдания от злословия света, решение расстаться и, наконец, прекрасное прощальное письмо Ибрагима, — все это поместилось на нескольких страницах. С новаторской смелостью, без всякой чувствительности и дидактизма Пушкин изобразил как высокое и чистое чувство земную и «грешную» страсть.

Сходная авторская позиция — и в пушкинском комедийном отрывке «Через неделю буду в Париже непременно», условно датированном началом тридцатых годов. Здесь также намечена реалистическая трактовка характеров героев. Графиня и ее любовник — не злодеи, а люди со своими слабостями и своими достоинствами, они не осуждены, а «объяснены». Графиня одновременно легкомысленна и серьезна, кокетлива и ревнива, по отношению к супругу она по-своему добра.

Для нас важно, что место действия в обоих фрагментах — Париж, адюльтер разворачивается, так сказать, на «французской почве». С этим топосом мотив адюльтера в сознании русских связывался органично и естественно. А вот изменение топоса, перенос действия в Россию, исследование мотива супружеской неверности на материале российской действительности — это, на наш взгляд, существенный и качественно новый момент, требовавший от писателя известной смелости. Этот перенос осуществляется впервые именно во французском плане Пушкина «L'Homme du monde» и, видимо, не без влияния романа Ансело.

Поначалу может показаться, что в плане действие происходит, как это было в комедийном отрывке и в первых главах «Арапа Петра Великого», в Париже. Тот факт, что план написан по-французски (с русскоязычными вкраплениями) (планов художественной прозы, написанных по-французски, у Пушкина больше нет (в плане «Русского Пелама» есть лишь незначительные французские вкрапления, а «Марья Шоллинг» — не план, а краткое изложение дела, найденное во французской книге). — Л. В.), подтверждает это впечатление. Выбор языка представляется маркированным, он становится знаком некоей литературной традиции, связанной с определенным топосом. Важно и то, что названные Пушкиным личные имена (Zélie, Laval) — французские. Однако при внимательном чтении обнаруживается особая значимость русскоязычных вкраплений: это не просто труднопереводимые на французский язык русские словосочетания, но выражения, маркирующие чисто русские реалии. Так, при уточне-

нии хронотопа сцены «великосветской жизни» в плане значится: «...на даче у Гр. Л. — комната полна, около чая — приезд Зелии — она отыскала глазами "l'homme du monde" и с ним проводит целый вечер». «На даче», «около чая» — знаки петербургского хронотопа (имеются в виду великосветские каменноостровские дачи, «около чая» — время сбора гостей после полудня). Эти детали структурно значимы. Осторожно, как бы не желая прямо обозначить новый топос, маскируя его, Пушкин, используя косвенные знаки, решается нарушить привычные представления и перенести действие адюльтера на русскую почву. Вчитываясь в план, пытаюсь разгадать движение пушкинской мысли, трудно отделаться от впечатления, что автору, осознающему рискованность подобного новаторства, приходится преодолевать некоторое внутреннее сопротивление.

Заметим также, чтобы больше не возвращаться к проблеме двязычия плана, что «переходы» с одного языка на другой, кроме всего прочего, на наш взгляд, связаны с трудностями разработки русского «метафизического» языка, поиском Пушкиным вербальных нюансов и оттенков. Например, в пункте 2 плана значится: «Исторический рассказ de la séduction». Подобрать точное русское соответствие французскому слову «séduction» не легко. Предлагаемое Б. В. Томашевским «соблазн» отражает скорее результат, а не процесс, а отглагольное существительное «соблазнение» не передало бы точного смысла и звучало бы, как всякие русские окказиональные отглагольные существительные, неуклюже. Наиболее точным было бы — «рассказ об обольщении».

В таком же ключе, только с обратным знаком, можно объяснить включение в первый абзац, целиком написанный по-французски, русского выражения «по расчету» (женился. — Л. В.). Французский эквивалент «par intérêt», несущий преимущественно прагматический смысл, не совсем эквивалентен заключающему в себе более широкое содержание — «по расчету», к тому же явно находившемуся на слуху (хотелось бы выразить благодарность Ю. С. Кудрявцеву за консультацию по вопросу семантики пушкинского текста. — Л. В.).

Примечательно, что в плане есть легкопереводимое французское словосочетание, которое не переводится никогда — «l'homme du monde». Даже во фрагменте, целиком написанном по-русски, оно остается в своем французском обличье, становясь своеобразной иноязычной вставкой. Этот факт на-

водит на мысль о содержательной, а не формальной значимости обозначения, маркированности его и, как нам кажется, намеренной аллюзии на роман Ансело. Важно отметить, что в детально разработанном пушкинском плане (намечены контуры сюжета, расстановка действующих лиц, основные характеры и конфликты) «светский человек», первоначально задуманный как главный герой, мало-помалу оттесняется на второй план¹⁹. На первый план выходит женский персонаж, «неверная жена», которая постепенно начинает занимать центральное место в намечаемом сюжете. Пушкинисты находили русские истоки образа Зелии — как литературные («Бал» Баратынского²⁰), так и биографические (прототип — А. Ф. Закровская²¹), однако французские истоки не рассматривались. Только Н. Л. Степанов связал «раскрытие сложного душевного мира» пушкинской героини с психологической характеристикой героини «Адольфа»²². Известно, что Пушкин высоко ценил роман Констан, восхищался стилистической тонкостью его языка, «всегда стройною, светского, часто вдохновенного» [XI: 87]²³. Примечательно, что значимым для него был не только Адольф, но и запомнившийся с юности образ героини романа — Элленоры. В письме к «Неизвестной» от января—февраля 1830 г., адресованном скорее всего Каролине Собаньской, поэт шутливо предлагает своей корреспондентке включиться «в игру по Констану» и выступить в ореоле судьбы его героини: «Дорогая Элленора, позвольте мне называть вас этим именем, напоминаящим мне жгучие чтения моих юных (?) лет и нежный призрак, прельщавший меня тогда» (подлинник по-фр.) [XIV: 64]; «Дорогая Элленора, вы знаете, испытал на себе все ваше могущество...» [XIV: 64]. И все же сопоставление Н. Л. Степановым Элленоры и Зелии, на наш взгляд, не совсем правомерно. В «Адольфе» — не обычный светский треугольник: Элленора не является законной супругой графа П. **; ситуация в романе не та, что нашла отражение в пушкинском плане. Не похожа и обстановка. Действие в «Адольфе» протекает в Германии середины 1810-х гг., герои Констана отдалены от света, живут почти изолированно в особом «пространстве» двух страдающих душ.

С этой точки зрения книга Ансело в большей степени переключалась с пушкинским замыслом прозы о большом свете: действие там разворачивается в современных салонах и великосветских пригородах Парижа (аналог «каменноостровским» дачам) конца 1820-х гг.

Разработка мотива супружеской неверности связана в романе Ансело с авторской игрой временными пластами. Центральный, исполненный истинного драматизма эпизод отнесен в прошлое: умирающая 20-летняя М. де Т.*** в исповедальном письме сыну, которое ему передадут в день совершеннолетия, рассказывает всю историю своей жизни (злосчастное замужество, фатальная встреча с Сенанжем, уход от мужа, рождение сына, общественный остракизм). Она молит сына не судить отца строго, оправдывая его быстрое охлаждение молодостью и общепринятыми нравственными нормами, и просит не пытаться узнать его имя. Действие романа и начинается как раз с раскрытия этой тайны, которое определит во многом дальнейшее развитие сюжета и психологическую сложность взаимоотношений сына и отца. Заметим, что Пушкина также привлекает введение сюжетной ретроспекции, однако она едва намечена в предельно лаконичном плане. Так, в пункте 2 плана значится: «Исторический рассказ de la séduction», что, наверное, следует понимать как эстетическое задание изложения всей истории знакомства и обольщения. Не исключено, что и в этом есть след воздействия Ансело.

Страдающая и гибнущая «неверная жена» изображена в романе «Светский человек» с пониманием и сочувствием. Она способна на критическое отношение к себе, ее оценки становятся все более пронзительными, к концу она для себя открывает тягостную истину: «Скандалная молва, которая меня погубила, разорвала все мои связи с обществом, покрыла мое имя позором, для него оказалась полезной, еще больше прославив его имя. Хотя жертвой была я, свет оттолкнул именно меня, а его принял с почетом» [I: 107]. Она постепенно вырастает как личность и начинает все больше осознавать фальшь «высоконравственных» норм света и царящее в нем ханжеское лицемерие: «Великосветские дамы, с презрением произносящие мое имя, считавшие своим долгом заливать при этом краской стыда, спорили за честь принять у себя того, кто принес мне погибель» [I: 107]. Именно способность к обобщению собственного опыта, умение осмыслить суть нравственных законов, царящих в обществе, отличают М. де Т.*** от героинь сходных романов Ш. Де Лакло, Кребийона-сына, Луве де Кувре (например, г-жа Турвель в «Опасных связях» также изображена автором с сочувствием, но общественный остракизм ей не грозит). Мысль о свете, карающем не виновника, а жертву, в дальнейшем окажется важной и конструктивной для Пушкина («На

углу маленькой площади»), а позднее — через него — и для Л. Н. Толстого («Анна Каренина»). Во французском плане «L'Homme du monde» свету отводится «роль не фона <...>, а полноправного героя»²⁴. Именно «свет» становится орудием возмездия «неверной жене». В пушкинском плане Зелия — глубоко страдающая натура, она, как и героиня Ансело, «окружена холодным недоброжелательством света», от нее все отворачиваются («подруга, отдалившаяся от нее», «она совсем несчастная», «...заболевает»). Однако стоит ей пойти на примирение с мужем («Она признается во всем мужу»), как общество круто меняет свое отношение, ее принимают и даже балуют («...возвращается в свет; за ней ухаживают и т. д. и т. д.»).

Примечательно, что в пушкинском плане в свернутом виде присутствуют множество вариантов развития характера героини и скрытые возможности самых разных сюжетных линий. В одной из них Зелия ведет себя непредсказуемо, «бунтует» против условностей света, как бы эпатирует общество («...становится легкомысленной, ведет себя скандально с человеком, которого не любит. Муж удаляет ее»). Учет самых разнообразных, иногда взаимоисключающих линий поведения — характерная черта пушкинской поэтики. Заметим, кстати, что и характер бунтарки получил художественное воплощение в романе Ансело. Один из главных женских персонажей, виконтесса д'Ольбан, двадцатичетырехлетняя вдова, также влюбленная в Сенанжа и жестоко высмеянная им, натура смелая и независимая, совершает множество «неосторожных» поступков, как бы сознательно бросая вызов свету. Дальнейшее развитие подобный характер найдет и у Пушкина в отрывке «Гости съезжались на дачу» (Зинаида Вольская).

Так же неоднозначно намечен в пушкинском плане тип «светского человека». Его герой «эгоистичен», «честолюбив», «тщеславен», способен издеваться над любящей его женщиной («Зелия любит тщеславного эгоиста <...> любовник, насмехающийся над ней <...> любовник афиширует ее (связь. — И. В.)»). Подобная характеристика была свойственна массовой литературе эпохи, в чем-то она перекликалась и с романом Ансело²⁵. Но вместе с тем «светский человек» Пушкина, в отличие от упивающегося своим успехом героя Ансело, «несчастен». И в данном случае Пушкин как бы предлагает несколько решений характера героя, он даже поначалу собирался сделать его женатым (в плане сначала значится «marié à une aristocrate provinciale» (женатый на провинциальной аристо-

кратке. — Л. В.), но потом он зачеркнул эту фразу, оставив его холостяком, который женится «по расчету» уже после связи с Зелией).

План «L'Homme du monde» отражает новый этап в решении Пушкиным проблемы супружеской неверности, сложный момент поиска, выработки собственной позиции. В созданных приблизительно в это время последних главах «Евгения Онегина» Пушкин, как известно, предложил иную трактовку коллизии «треугольника», однако одновременно исподволь, «в стол», он разрабатывал и нетрадиционное для русской светской прозы решение. Хотя его идеал «верная жена» (Татьяна) и убеждение в «чистоте и строгости Петербургских нравов» [VIII: 37] для него органично, все же личный опыт, знание света, близость французской психологической традиции и, быть может, самое главное — установка на изображение «истины страстей» [XI: 18] — определяли поиск новой модели отношений. Однако решиться на новую трактовку было не просто: светская проза избегала изображения чувственной стороны любви, это была «сфера неприкасаемая»²⁶. Примечательно, что Пушкин, стремясь опубликовать «идеальный вариант» решения проблемы, противоположное решение обнародовать не спешил: парижские главы «Арапа Петра Великого», неоконченные отрывки «Мы проводили вечер на даче», «На углу маленькой площади» он при жизни опубликовать не стремился. Они увидели свет лишь после смерти поэта.

Но именно этот «идеальный вариант», нашедший отражение не только в «Евгении Онегине», но и в опубликованной прозе («Метель», «Дубровский»), оказался наиболее конструктивным для развития светской прозы (Марлинский, Павлов, Соллогуб, Ган, Жукова, Ростопчина, Одоевский, Дурова). В центре многих повестей коллизия: жена любит не мужа. Героиня обычно как бы моделирует свое поведение по образцу Татьяны²⁷, прямой адюльтер для нее невозможен (исключения — «Фрегат «Надежда»» Марлинского и роман Василия Ушакова «Последний из князей Корсунских» (1837))²⁸. Как типичный и характерный пример можно привести ситуацию из повести Жуковой «Барон Рейхман». Здесь молодая баронесса Наталья Васильевна влюблена без ума в поручика Левина, отвечающего ей взаимностью. Она богата, независима, готова бежать с любимым хоть на край света. Повествование ведется таким образом, что складыва-

ется полное впечатление, будто близость героев состоялась, обнаруживается даже вещественное доказательство измены — волосаян браслет. Но все же в последний момент изумленный читатель узнает из внутренней речи влюбленных, что они «не преступили» дозволенной черты («Кто уверит его, что любовь моя чиста, невинна?»²⁹ — думает она. «Как уверить барона, что она не так виновата, как он мог предполагать»³⁰, — думает он).

Однако развитие русской литературы XIX в. предопределяет, в частности, и новую трактовку мотива супружеской неверности. По мере разрушения уклада все больше актуализируется «потаенное» пушкинское решение, меняются представления и вкусы читательской аудитории, «неверная жена» вызывает все больший интерес.

Следующий этап в разработке темы супружеской неверности, отмеченный разрушением табуированности мотива адюльтера, связан с именем Лермонтова (пленительный образ Веры в «Герое нашего времени»³¹). И наконец, блистательное завершение «потаенных поисков» Пушкина и лермонтовского новаторства мотив супружеской неверности получит в романе Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина»³².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1949. Т. 13. С. 279. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи, римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

² Ancelot J.-A. Six mois en Russie. Lettres écrites à M. X.-B. Saintimes en 1826 à l'époque du Couronnement de S. M. Empereur. 2 ed. Bruxelles, 1827. P. 48.

³ См.: Волович Н. М. Об одной французской книге из библиотеки А. С. Пушкина («Шесть месяцев в России Ж.-А. Ансело») // Пушкин и Москва: Сб. ст. М., 1994. Ч. I. С. 142–152; см. также: Вольперт Л. Пушкин и книга Жака Ансело «Шесть месяцев в России» // Труды по русской и славянской филологии. ТУ. Литературоведение. II (Новая серия). Тарту, 1996. С. 105–123. Электронная версия статьи в книге: Вольперт Л. И. Пушкин и французская литература. Писатели, моралисты, политические мыслители конца XVIII — первой трети XIX в. 2000. (<http://www.ruthenia.ru/volpert/intra.htm>), В дальнейшем: Вольперт Л. И. Электронная книга. Адрес статьи «Пушкин и Ансело»: <http://www.ruthenia.ru/volpert/articles/stal8txt.htm>

⁴ Ancelot. Six mois en Russie... P. 306.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 308.

⁷ ИРЛИ. Ф. 244, оп. I, № 108 <1828, июнь–окт. <?> по контексту> (получено из собрания Л. Н. Майкова от его вдовы).

- ⁸ *Ancelet J.-A.* L'Homme du monde. Paris, 1827. Т. 1. Р. 10. (Перевод мой. — Л. В.) В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи, том и страница означаются арабскими цифрами.
- ⁹ Подлинник по-французски — 8, 554; русский перевод — 8, 1085. В дальнейшем при анализе плана цитируются эти страницы.
- ¹⁰ *Гладкова Е.* Прозаические наброски Пушкина из жизни «света» // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 308.
- ¹¹ *Чичерин А. В.* Возникновение романа-эпопеи. М., 1958. С. 82.
- ¹² *Сидяков Л. С.* Художественная проза А. С. Пушкина. Рига, 1973. С. 56.
- ¹³ *Петрунина Н. Н.* Проза Пушкина (пути эволюции). Л., 1987. С. 63. На наш взгляд, емкий пушкинский план включает в себе разнообразные жанровые возможности, в нем — потенциальное зерно как повести, так и романа.
- ¹⁴ *Balzac H.* Physiologie du mariage. Bruxelles, 1834. Р. 19.
- ¹⁵ *Бальзак О.* Собрание сочинений: В 15 т. М., 1951. С. 132.
- ¹⁶ *Napoléon.* Code civile des Français. Paris, 1864. Р. 40.
- ¹⁷ *Жукова М. С.* Вечера на Карповке. М., 1986. С. 61.
- ¹⁸ См.: *Вольперт Л.* Психологизм ранней прозы Стендаля и Пушкина («Арманс» и «Арап Петра Великого») // Теоретические и практические вопросы взаимодействия литератур: Труды по романо-германской филологии / Учен. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1983. Вып. 646. С. 32–42.
- ¹⁹ *Vaas J. Van.* The Guests gathered at the dača... The Dynamics of a drawing-room // Semantic Analysis of Uterary texts. Amsterdam. Elsevier, 1990. Р. 51.
- ²⁰ См.: *Петрунина Н. Н.* Указ соч. С. 62.
- ²¹ Там же. С. 65.
- ²² См.: *Степанов Н. А.* Проза Пушкина. М., 1962. С. 52.
- ²³ О связи Пушкина со стилистической традицией Константа см.: *Вольперт Л. И.* Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. Таллин, 1980. С. 102–124. Она же. Электронная книга. Глава 5 «Дорогая Эллена, позвольте мне называть вас этим именем...» («Игра» по роману Б. Константа Адольфа»). (http://www.ruthenia.ru/volpert/chapters/13pt1_5t.htm)
- ²⁴ *Петрунина Н. Н.* Указ. соч. С. 63.
- ²⁵ О связи пушкинского плана с романом Ансело «L'Homme du monde» см.: *Вольперт Л. И.* Мотив адольтера в плане Пушкина «L'Homme du monde» и роман Ансело «Светский человек» // Русская культура и мир. Тезисы докладов участников II Международной научной конференции. Нижний Новгород, 1994. Ч. 2. С. 28–30.
- ²⁶ *Гачев Г.* Русский Эрос // Опыт: Литературно-философский ежегодник. М., 1990. С. 213.
- ²⁷ Как известно, пушкинская трактовка мотива «верной жены» вызвала далеко не однозначное отношение. Например, В. В. Розанов писал: «Идеал Татьяны лжив и лукав, а в исторических путях нашей русской семьи — он был и губителен» (*Розанов В. В.* Семейный вопрос в России. СПб., 1903. Т. 2. С. 99).
- ²⁸ См. об этом: *Вацуро В.* Василий Ушаков и его «Пиковая дама» // Новое литературное обозрение. 1993. № 3. С. 109.
- ²⁹ *Жукова М. С.* Указ. соч. С. 62.

³⁰ Там же. С. 68.

³¹ См.: *Вольперт Л. И.* От «верной» жены к «неверной» (Пушкин, Лермонтов: французская психологическая традиция) // Труды по русской и славянской филологии Литературоведение (Новая серия). Тарту, 1994. [Вып.] 1. С. 67–85. Она же. Электронная книга. Раздел второй. Глава 4. (http://www.ruthenia.ru/volpert/articles/isprv_txt.htm)

³² См.: *Дйхенбаум Б. М.* Лев Толстой: Семидесятые годы. Л., 1974. С. 147–156.